

Глава 7

Студень Санты и желе Сары Сильверман

Когда я рассказал своей невестке, что работаю над книгой о Санта-Клаусе и что сам до конца не понял, к какому лагерю примкнуть, она ответила: «Все ясно. Ты колеблешься». Но в действительности я испытывал нечто совершенно противоположное. Колебание — это всего лишь метание от одной крайности к другой, а я хотел найти способ существовать в обеих реальностях одновременно. Даже если мы поймем, что для успешного взаимодействия с миром нам нужно каким-то образом признать существование парадоксов, на этом наше исследование не закончится. Существуют разные способы разрешить противоречие, некоторые из них лучше, другие — хуже. Мы вовсе не хотим, чтобы парадоксы вызывали у нас панику. Мы не хотим, чтобы наше сознание разделилось надвое и сегодня мы придерживались одной крайности, а завтра переключались на другую. Мы не хотим преследовать и ненавидеть тех людей, которые по-другому воспринимают реальность. Мы не хотим ни абстрагироваться от него, ни быть поглощенными им целиком.

Итак, нужен такой подход к Санта-Клаусу, который позволил бы нам разобраться в противоречиях в целом и объединил бы в себе все лучшее от логики и мистики. К счастью, нам указывает путь сам Санта. В конце концов если уж мы что-то и знаем о нем, так это то, как он выглядит:

*Сияют глаза, будто звезды в мороз,
два яблока — щеки и вишенка-нос.
Улыбка — забавней не видел вовек!
Бела борода, словно утренний снег.
...а кругленький толстый животик от смеха
как студень дрожал — доложу вам, потеха!*

(Клемент Мур)

Забавный... Потеха... Могучий хохот, который заставляет живот дрожать, словно студень. Санта подсказывает нам, что лучший подход к парадоксам — это юмор.

Демокрита называли «смеющимся философом», а вот у западных рационалистов дела с юмором обстояли туго. Например, Томас Гоббс говорил, что мы смеемся, когда вдруг чувствуем себя выше других. «Внезапная слава есть страсть, производящая гримасы, известные как смех. Она вызывается у людей или каким-нибудь их собственным неожиданным действием, которое им понравилось, или восприятием какого-либо недостатка или уродства у другого, по сравнению с чем они сами неожиданно возвышаются в собственных глазах».

Иными словами, когда мы видим, как мимо проезжает аристократ на лошади, мы чувствуем, что он лучше нас. Но если он внезапно свалится на землю, мы рассмеемся, потому что теперь мы оказались лучше него.

Это довольно несмешная карикатура на юмор, и неудивительно, что ее создателем был Гоббс — мыслитель, одержимый чувством превосходства. Тем не менее ему удалось отметить один ключевой элемент: юмор подходит к противоречиям с позиции времени. Сначала всадник кажется нам лучше нас, а затем — хуже. Наша точка зрения внезапно изменяется. Логика и мистика, каждая по-своему, заставляют нас выйти за пределы времени, а юмор последовательно ведет нас от напряжения к разрядке. Я полагаю, что именно благодаря этому он оказывается в состоянии склеить две половины парадокса и не отказываться ни от одной из них. Юмор — третий возможный подход к противоречиям, наряду с логикой и мистицизмом.

Давайте рассмотрим этот подход на практическом примере. Предположим, что Брендан — доктор психологии, который борется с агрессивным поведением в школах. Он написал огромное количество статей, посвященных причинам детской агрессии. Когда он не занят исследованиями или телевизионными лекциями, он ездит по школам и выступает перед учениками младших классов вместе со своей куклой, которую зовут Задира Джимми. Представим, что мы еще учимся в школе, нас всех согнали в актовЫй зал, директор представил нам Брендана, и тот вышел на сцену. Брендан говорит, что сейчас познакомит нас со своим другом, и наклоняется к сумке, чтобы достать Джимми. И тут мы слышим звук, который ни с чем невозможно спутать — Брендан испражняется в штаны. Для Брендана этот день, видимо, окажется одним из самых худших в жизни, но большинство десятилетних мальчиков и девочек в зале посчитают происшествие ужасно смешным и даже через много лет будут вспоминать его с улыбкой. Почему?

Мы смеемся над шутками о предметах, которые вызывают у нас сильные и противоречивые чувства. Смех — это снятие напряжения, но он отличается от физиологической разрядки. Дети только недавно научились не ходить под себя. Они знают, что, когда твой кишечник полон, освободить его бывает приятно, но этого делать не следует, особенно в классе. Взрослые (например, учителя и родители) могут все на свете, значит, и свою дефекацию* они тоже контролируют. Тот факт, что Брендан наложил в штаны, кажется смешным, потому что в нем вступают в конфликт две реальности: та, в которой какать в штаны смешно, и та, где это запрещено.

Думаю, большинству из нас сложно понять подобное противоречие, потому что времена, когда нас приучали к горшку, безвозвратно канули в прошлое. Однако если задуматься, то есть ли у нас стройная философская теория по поводу дефекации? Некоторые люди считают ее сексуальным элементом и прибегают к ней во время любовных утех — потому что им нравится делать что-то запретное, а возможно, и потому, что так они могут представить себя ребенком, которого любят и принимают таким, какой он есть (нельзя исключать и того, что некоторым просто нравится процесс). Когда у нас появляются дети, мы постоянно занимаемся тем, что меняем подгузники. Те из нас, чьи родители дожили до глубокой старости, тоже могут столкнуться с такой проблемой. Фекалии — это что-то постыдное, но почему? Если бы вы были настоящим фанатом Мэрилин Монро, разве вы не захотели бы иметь дома одну из ее какашек, оправленную в золото? Очень интимный сувенир, не правда ли?

* Пятиминутка этимологии. «Дефекация» — это латинский термин, обозначающее выделение фекалий. Соответственно, слово «фекация» должно означать процесс их формирования, то есть еду. И не пытайтесь искать в интернете картинки по запросу «рефекация»!

Как следует относиться к подобному с точки зрения философии? Некоторым мистикам это бы понравилось. Более того, часть из них была бы готова схватить вилку и нож и съесть сувенир от Монро, чтобы показать, что категории священного и непристойного, мерзкого и вкусного имеют трансцендентную природу. Лично я бы не решился на такое, а еще не согласился бы поцеловать ни одного из этих мистиков после столь яркой демонстрации трансцендентности категорий. Логическое объяснение того, почему даже самые ярые фанаты Мэрилин Монро не должны коллекционировать ее окаменелые фекалии, меня не удовлетворяет, ведь оно не показывает, что эта идея может одновременно и привлекать, и отвращать людей. Я вообще не уверен, что тут помогут логические аргументы. Если мы считаем сексуальными лицо и грудь актрисы, то почему тогда ее экскременты не вызывают у нас влечения? Тому, кто целует любимого человека, нравится вкус его слюны. А что насчет содержимого носа? Или насчет слез? Или грудного молока? Пота? Нагноений в уголках глаз? По сути, все зависит от того, насколько вы любите Мэрилин Монро. Наша сексуальная реакция на человека означает одновременно и принятие всего плотского, что есть в нем, и отстранение от физических проявлений, так что единственный здоровый подход к такому противоречию — это смех. Он сводит воедино привлекательность и отвращение. Иногда запах пота или чего похуже кажется приятным, потому что напоминает вам, что любимый человек находится поблизости, — но, со знавая это, нельзя не смеяться.

К чему еще мы испытываем смешанные чувства? Если присмотреться, то оказывается, что такие предметы и темы встречаются нам на каждом шагу. Возьмем, к примеру, смерть. Мы любим себя и своих близких, но, когда они умирают, мы перестаем обнимать и целовать их и закапываем тела в землю. Любим мы их при этом или нет? Мистики

наверняка скажут, что человек и его тело — разные вещи, что на самом деле люди не мертвы и вообще смерть не имеет значения. Но почему нам так нравилось прикасаться к этим телам, когда они были живы, и почему мы грустим после их смерти? Если мистика утверждает, что смерть любимого человека не должна ничего значить для нас, что умереть для человека — это не больше, чем для букв исчезнуть с экрана, когда я выключу компьютер, и что печалиться по обоим поводам одинаково глупо, то что мистика вообще знает о жизни? Даже утверждение, что мистика помогает нам любить, в этом случае не имеет смысла. Если смерть — всего лишь иллюзия, то почему мы почитаем героя, пожертвовавшего своей жизнью, а не убийцу, который его прикончил? Помогает ли нам здесь логика? Израильский историк Отто Дов Кулька, который ребенком попал в Освенцим, описывает в своих мемуарах «Пейзажи метрополии смерти» (Landscapes of the Metropolis of Death) шутки, которые ходили среди детей в концлагере. Дети говорили, что когда они умрут, то попадут в рай, а потом тамошние власти решат, кого отправить в райские газовые камеры. Могли бы они отреагировать на происходящее более адекватно, если бы применили логику?

Мистика и логика — это безразмерные костюмы, которые подходят каждому. В юморе же мы слышим индивидуальный голос комика. Вот несколько шуток, придуманных юмористом Робертом Шиммелем, который пятнадцать лет боролся с раком (а потом погиб в автокатастрофе).

«Говорят, Бог дает тебе столько, сколько ты можешь унести. Судя по всему, меня он переоценил, потому что я вот-вот сломаюсь под грузом».

«Священник сказал мне, что смерть — еще не конец. Я попросил его повторить это моему дяде, который почему-то

считает, будто умер в 1976 году. В свое время он настолько был уверен в данном факте, что нам пришлось даже устроить ему похороны и закопать в землю».

«Один мой друг заявляет, что смерть — это начало нового приключения. Да ладно! То-то я столько раз говорил: “Давно у меня не было приключений. Может, мне умереть? Меня засунут в коробку, как пиццу с пеперони, закопают в землю, забросают грязью, и я смогу гнить там, сколько захочу. Ну что, парни, кто со мной?”».

Шутки Шиммеля позволяют нам почувствовать свое противоречивое отношение к смерти. Мы думаем, что это конец, и боимся, что наши мысли верны, но в то же время надеемся, что все не так.

Но лучшую шутку Шиммеля рассказал мне мой брат, когда ему поставили диагноз «лейкемия»: «У моего сына обнаружили рак, и я подумал: «Хуже и быть не может». А потом рак обнаружили у меня».

Социальные условности требуют, чтобы мы не желали зла другим людям. Если бы наш друг заболел или потерял работу, а мы бы сказали ему: «Ну, слава богу, что это произошло не со мной!» — на нас бы обрушилось общественное осуждение, и очень скоро у нас не осталось бы друзей. Общество ждет от нас, что мы будем радоваться, когда другие люди что-то приобретают, и огорчаться, когда они что-то теряют, но при этом не выражать свое счастье слишком бурно, если что-то хорошее происходит с нами, а не с кем-то еще. Нам нравятся герои и святые, которые посвящают свои жизни служению другим людям. На самом деле это показывает только то, как мы любим, когда нам служат. Если бы ни у кого из нас не было потребностей, мы бы не восхищались героями и святыми. Они вообще

остались бы без работы. В мире есть люди, которые больны раком и не могут заплатить за лекарство, потому теоретически каждый раз, когда мы покупаем что-то для себя, а не отдаем деньги этим несчастным, мы ставим собственные интересы превыше их потребностей.

Впрочем, мы все когда-нибудь умрем, и если всю свою жизнь мы будем думать только о себе, то проживем ее довольно ограниченно. Мы не делаем вид, что нам интересны другие люди, — мы и в самом деле о них заботимся. Например, после появления детей в семье мы жертвуем ради них собственными удовольствиями.

С другой стороны, насколько далеко мы готовы зайти? Сможем ли мы пожертвовать собственной жизнью ради спасения детей? Если у ребенка обнаружат рак, будем ли мы готовы забрать эту болезнь себе? Некоторые из нас окажутся способными на подобное, но нельзя заранее определить, кто именно. Когда я представляю себе подобный сценарий в своей семье, то сначала думаю «Не дай бог», а затем понимаю, что, каким бы героем, мучеником и идеальным отцом я себя ни воображал, я не могу быть уверен, насколько эти фантазии воплотятся в жизнь.

Вот почему шутка Шиммеля так хороша. Она заставляет нас взглянуть в лицо противоречию. Нам хочется крикнуть: «Ты что! Нельзя такое говорить! Болезнь ребенка важнее твоих собственных проблем!» Но какая-то часть нашего сознания понимает: «А ведь он прав». Я не герой и никогда не отдавал свою жизнь за других. Максимум, что я отдавал, — костный мозг для спасения своего брата, но это было всего лишь неприятно, не страшнее гриппа. Если бы мне пришлось пожертвовать жизнью, чтобы спасти своего ребенка (например, стать донором сердца, чтобы вылечить его от рака), я бы не засмеялся, услышав

шутку Шиммеля. А может, и засмеялся бы, потому что герои и мученики — это не роботы, логическим образом выбирающие оптимальный вариант без всяких эмоций, и не мистики, которые позволяют себя убить, потому что мы едины, а смерть не имеет значения. Как показывает нам Роден в своих «Гражданах Кале», герой должен бороться. Только борьба делает его героем. Он лицом к лицу сталкивается с противоречием между любовью к себе и любовью к своему ребенку. Так что, я думаю, настоящей герою шутка Шиммеля понравилась бы еще больше, чем всем нам.

А вот еще один важный аспект юмора. Как мы помним из стихотворения Клементя Мура, когда Санта смеется, его живот напоминает трясущийся студень или желе. Желе — еще один источник противоречий в нашей жизни, и у комика Сары Сильверман есть отличная шутка на этот счет: «Я как раз слизывала смазку* с члена моего парня, будто желе с ложки, как вдруг мне в голову пришла мысль: “Господи, я превращаюсь в собственную мать!”»

Ладно, на самом деле я тоже над вами подшутил. Это шутка вовсе не о желе, а о сексе.

Это сложная шутка, состоящая из нескольких слоев. Обычно объяснения сводят на нет комический эффект, но Сильверман настолько хороша, что она в состоянии выдержать такую вивисекцию.

В первую очередь это шутка про матерей. Сексуальны матери или нет? С одной стороны, если не они, то кто? Мать по сравнению с двумя другими классическими ипостасями

* Jelly — смазка, также желе (англ.). Прим. ред.

женщины — то есть с Девой и Старухой* — разумеется, кажется самой сексуальной. С другой стороны, думаем ли мы о своих матерях в сексуальном контексте? Учитывая, что у каждой из них есть ребенок (вы или я), правомерно было бы утверждать, что хоть раз в своей жизни они приглянулись какому-то мужчине. Но мы не можем постоянно думать о них в подобном ключе. Единственная картинка, которую нам хотелось бы представлять, когда мы слышим слова «мать» и «желе» в одном предложении, — как наша мамочка сидит в кафе и ест десерт.

Во-вторых, это шутка о сексе. Юмор Роберта Шиммеля пользовался популярностью, поскольку у него действительно был рак. Слушатели представляли, что он умирает, и такая мысль пугала и огорчала их. Сара Сильверман оказывает такое же сильное воздействие на аудиторию, потому что любому гетеросексуальному мужчине или лесбиянке эта женщина кажется сексуальной, и когда они представляют, как Сара облизывает чей-то член, то чувствуют возбуждение. А затем она предлагает аудитории представить на своем месте мать, и люди начинают панически гасить возбуждение в своем мозгу. Их нервная система превращается в настоящие американские горки. Для достижения этого эффекта Шиммель использует тревогу от встречи с умирающим человеком, а Сильверман — противоречие, возникающее во время встречи с сексуально привлекательной женщиной, которая оказывается мыслящим человеческим существом и беспокоится о том, как бы не пойти в будущем по стопам собственной матери. Мы одновременно должны представлять ее и секс-бомбой, и этическим философом.

* Вероятно, автор ссылается на псевдомифологический образ Тринеидной Богини, имеющей три ипостаси — Девы, Матери и Старухи, — и созданный Робертом Грейвсом (1895–1985). *Прим. ред.*

Когда мы испытываем сексуальное возбуждение, нас не волнует, стареем мы или идем по стопам родителей. Вряд ли кто-то может заниматься любовью и в процессе рассуждать о смысле собственной жизни. Но женщина, которая слизывает смазку с члена своего парня, и женщина, которая боится стать похожей на собственную мать, — один и тот же человек. Мы все одновременно сексуальны и моральны, но приговариваемся, что это не так. Потому мы испытываем шок, когда узнаем, что Билл Клинтон одной рукой ласкал Моника Левински, а другой реформировал экономику страны. Мы осуждаем президента, чтобы забыть о противоречиях внутри себя, но факт состоит в том, что такова жизнь. Клинтону одинаково нравились и реформы, и занятия любовью с Моникой. Всякий человек, имеющий сексуальный опыт, сталкивался с моментами, когда определенные части тела становились для него важнее мира во всем мире. Попытки в такие моменты обуздать страсть чреваты недовольством партнера и сексуальными расстройствами. Борясь за мир во всем мире, невозможно жить настоящим днем. Наши родители, и их родители, и сам Моисей, и, вероятно, Иисус переживали моменты, когда им куда больше хотелось засунуть свой язык в чей-то рот, чем положить конец расизму, прекратить страдания человечества или сделать мир лучше. Как реагировать на подобные ситуации? Логика — не самый сексуальный подход, а вот юмор позволяет нам принять собственную сексуальность и одновременно наше отношение к ней.

Глава 8

Гигантский огурец Сеньора Бабаха

Шиммель демонстрирует нам, что при помощи юмора мы можем справиться со своим противоречивым отношением к смерти. Но не все парадоксы оказываются смешными, равно как и не все шутки предназначены для того, чтобы научить нас смело глядеть в лицо жизненным противоречиям. С первой проблемой — несмешными парадоксами — справиться легче. Я могу схватить клавиатуру от своего компьютера и сказать: «Эй, смотрите, это сэндвич! Дайте-ка я полью его кетчупом!» Или наоборот, я могу взять сэндвич и начать печатать на нем, приговаривая: «Глядите-ка, я написал письмо! Отправить!» Такие действия не просто не будут смешными, они будут странными. Этот вопрос никому не интересен. Никому нет никакого дела до того, похожа клавиатура на сэндвич или нет. Но если вы попытаетесь придумать для подобной шутки контекст (например, представите, что вы — очень голодный программист, которого не отпустили на обед и который в отчаянии пытается съесть свою клавиатуру), то сможете нащупать тему, в отношении которой ваша публика испытывает смешанные чувства.

А что насчет тех ситуаций, когда старшеклассник в школе хватал вас за руку, бил вас ею, а потом, хохоча, спрашивал, почему вы деретесь сам с собой? Давайте признаем, что это может казаться смешным хотя бы с точки зрения такого хулигана. Его веселит, что жертва, которая не хочет, чтобы ее били, в итоге сама вынуждена себя наказывать. Но мы-то вовсе не смеемся, потому что мы не школьные задиры. Для нас между правами жертвы и удовольствием от насилия нет никакого противоречия. Это не значит, что юмор — зло. Это значит, что люди могут применять даже самые лучшие вещи в скверных целях: благотворительность — чтобы унизить, язык — чтобы солгать, а юмор — как анестезию от страданий других людей.

Моралисты, которых шокирует резкий юмор, очень часто сами оказываются бесчувственными к окружающим. После того как комик Сара Сильверман выступила на конференции TED, организатор встречи Крис Андесон разорвал все последующие договоренности с нею и сказал, что ее речь была чудовищна. Позже он немного смягчил определение, заявив, что к Саре Сильверман нужно привыкнуть, но вот только никто не хочет этого делать, потому что она якобы «издевалась над психически больными людьми». Знаете, как звучала ее шутка?

«Я собираюсь усыновить ребенка с отставанием в развитии. На то есть три причины: во-первых, их больше никто не берет, во-вторых, мне будет кого любить, а в-третьих, мне нравится компания таких ребятишек. Но я поняла, что в моем плане есть один недочет. Ребенок с отставанием не вылетит из родного гнезда в восемнадцать. Когда я, дай бог, буду умирать от старости в своей постели, мне придется волноваться, на кого же оставить моего 60-летнего малыша. А потом мне в голову пришла прекрасная мысль: а что если усыновить смертельно больного ребенка с отставанием

в развитии? Да-да, я знаю, о чем вы думаете. Кому придет в голову брать на воспитание маленького психа, который скоро умрет. И я вам скажу кому: только очень хорошему человеку».

Сначала кажется, что Сильверман подшучивает над звездами шоу-бизнеса, которые усыновляют детей только затем, чтобы хвастаться этим перед всем миром. Но, если копнуть глубже, выясняется, что она затрагивает противоречия, лежащие в основе самого нашего представления о доброте.

В конце концов если бы она действительно усыновила смертельно больного ребенка с отставанием в развитии, она и вправду оказалась бы очень хорошим человеком. Не важно, какие у нее на то были бы причины. На месте такого ребенка меня бы это не волновало. Ведь у нее наверняка оказался бы уютный дом, полный холодильник еды и качели во дворе. Конечно, многие заявили бы, что человеку, проявившему подобное милосердие, неплохо бы еще и вести себя поскромнее. Но даже если и нет — кому какая разница? Разве милосердие без скромности становится хуже? Если человек хорошо играет в теннис и имеет здоровую кожу, это лучше, чем если бы он просто хорошо играл в теннис. Но тот факт, что у вас плохая кожа, вовсе не значит, что ваши теннисные достижения ничего не стоят. Если выбирать между человеком, который готов усыновить больного ребенка и гордится этим, и человеком, который не собирается никого усыновлять и тоже горд данным фактом, разве мы не предпочтем первого второму? И можно ли быть на сто процентов уверенным, что скромность — это хорошо? Усыновление смертельно больного и отстающего в развитии ребенка — настоящий подвиг, так почему же человек, совершающий его, не должен это признавать? Обычно нам нравится, когда люди говорят правду. Так почему же в данном случае мы хотим, чтобы они врал, тем более если речь идет

об их собственных моральных качествах? Жизнь со смертельно больным ребенком, имеющим проблемы с психикой, будет тяжелой, и, возможно, приемного родителя поддержит вера в то, что он делает что-то важное. Мы хотим, чтобы наши герои вели себя скромно, иначе мы начнем хуже думать о себе. Но если они окажутся слишком смиренными, у них не хватит сил быть героями. Уход за больным ребенком — нелегкий труд. Пускай тот факт, что Сара выбирает детей как товары в магазине, и покажется кому-то оскорбительным. Но почему она должна уделять этому выбору меньше внимания, чем выбору блендера для кухни? Прагматизм, который она (или ее героиня) демонстрирует, описывая будущее своего психически неполноценного ребенка, необходим во всех аспектах нашей жизни. Если монахиня решает покинуть свою уютную обитель, переселиться в тюрьму и начать проповедовать свою веру тем, кого ждет смертная казнь, это благородный шаг. Но, чтобы сделать его, она должна уметь по крайней мере водить машину. Если она попытается уехать из монастыря верхом на банане, вряд ли ей удастся выполнить свою миссию. Если уж вы хотите кому-то помогать, вам нужно быть к этому готовым.

Так что же, действительно ли Сара Сильверман (или ее героиня) жестока к страданиям психически неполноценных людей? Даже если предположить, что они и вправду страдают (а на этот счет у ученых есть сомнения), какой подход оказался бы лучше? Сара что, должна плакать над судьбой таких детей? Вряд ли людям с задержкой развития понравилась бы компания рыдающего комика. На самом деле большинство из нас просто делает вид, что их не существует. Что мы вообще думаем об умственно отсталых людях? Согласились бы вы на операцию, если бы ее проводил психически неполноценный хирург? Нет. А если бы ваш брак оказался под угрозой, пошли бы вы с супругом к психотерапевту с задержкой развития? Тоже нет. Организатор TED осуждает

«издевательство над психически больными людьми», но до сих пор ни один человек с подобным диагнозом не участвовал в его конференциях. Так насколько Крис Андесон на самом деле их любит? Я уверен, что многие люди с задержкой развития с удовольствием приняли бы участие в подобном мероприятии! Ты ходишь по сцене, говоришь что хочешь, тебе аплодируют — кому такое может не понравиться? Наше отношение к уму и глупости достаточно противоречиво. Если ваш босс — идиот, то вы наверняка будете подшучивать над ним вместе с коллегами, а вот если у него обнаружат рак, шутки тут же закончатся. При этом он может заболеть раком по собственной вине (например, из-за того, что ест слишком много бургеров или живет в городе с нездоровой атмосферой), а вот глупость не имеет к его действиям никакого отношения. С другой стороны, мы можем подшучивать над тупым начальником, но не должны смеяться над тем, кто действительно имеет задержку в развитии. Но ведь разница порой заключается всего лишь в нашем восприятии! У каждого из нас хоть раз да случался начальник, который перешагивал эту тонкую грань.

Мы испытываем противоречивые чувства по отношению к психически больным, и наши желания оставаться хорошими людьми и получать за это признание тоже вступают в конфликт. Иисус осуждал фарисеев за то, что они публично раздают милостыню. Но, призывая своих учеников делать подаяния втайне, Он не запретил им гордиться ни своим милосердием, ни своим смирением. Шутка Сильверман шокирует нас, как пробуждение после сна. Самая распространенная реакция человека перед лицом противоречий (мы хотим, чтобы люди относились к нам хорошо, но одновременно не желаем быть такими, кому важно одобрение других; мы беспокоимся о психически больных, но не хотим о них думать) — это бесчувственность или переключение внимания на что-то еще. Юмор Сары

Сильверман наполняет эмоциями обе части противоречия, но при этом не смягчает боль красивыми формулировками или ловкими этическими компромиссами. Организатор конференции TED сказал, что к шуткам о психически больных людях можно привыкнуть, но лично он не собирается. Почему кому-то кажется, что нельзя шутить о смерти и страданиях? Потому что у таких людей нет чувства юмора.

Если вы злобно хохочете над чужой бедой, вы — жестокий человек, но если вы улыбаетесь с состраданием, с вами все в порядке. Один мой друг любит говорить: «В мире есть два типа людей: те, кто плачет от счастья, и те, кто не плачет. Они жалеют друг друга: последние первых, потому что видят их слезы, первые последних, потому что те никогда не были счастливы». Возможно, людям, которые не смеются над пошлыми шутками и черным юмором, вообще никогда не бывает смешно*.

* Кстати говоря, наше отношение к IQ представляет собой сплошной самообман. Мы утверждаем, что нам нет никакого дела до уровня интеллекта и что мы очень демократичны в этом отношении. Но на самом деле многие книги, передачи и фильмы появляются в нашей жизни только для того, чтобы мы могли похвастаться, что понимаем их. Фраза «Я только что прочитал последнюю книгу Джорджа Сандерса» — интеллектуальный эквивалент заявлениям вроде «Я только что пробежал марафон за три часа, для меня это обычное дело» или «Мне только что повысили зарплату на 20 000 долларов». Впрочем, насчет этой книги можете не волноваться. Ее вы читаете потому, что вам нравлюсь я.

Финеас Тейлор Барнум однажды сказал, что никто еще не разорился от того, что недооценил американскую публику. С тех пор в Голливуде объявили не об одном банкротстве, так что, видимо, он был не прав. Лично я бы перефразировал его высказывание таким образом: «Никто еще не разорился, убедив недалеких покупателей в том, что они умные». Суть моей книги довольно проста: жизнь сложно понять, потому на нее нужно смотреть с юмором. Но эта идея завернута в цитаты из Рассела и целые главы, посвященные мистике, так что вы можете хвастаться перед друзьями, что осилили мою книгу. Ирония заключается в том, что я не только ужасно умный, но еще и очень скромный писатель! Вероятно, вам показалось, что я просто выпендриваюсь, но это не так. Я читаю книги философов с самого детства, потому что они помогают мне справляться с моими эмоциональными проблемами. Хвастаться тут нечем, если я прочел больше философской

Эпизод шоу Мэри Тайлер Мур под названием «Хихик повержен в прах» (Chuckles Bites the Dust), сценарий которого создал Дэвид Ллойд, описывает наше противоречивое отношение к юмору. Клоун Хихик погибает во время циркового парада — он оделся в костюм Питера-Ореха, и злобный слон попытался расколоть его скорлупу. Лу Грант и Мюррей Слотер смеются над этим; их поведение шокирует Мэри — человек же умер! Будучи протестанткой, она с детства соперничает бедам ближних. Смех кажется ей неуместным и жестоким, и она бранит коллег за бесчувственность. Лу объясняет ей: «Мы смеемся над смертью, потому что когда-нибудь она посмеется над нами». Мэри проникается идеей Лу и понимает, что была не права. Позже, на похоронах клоуна, священник произносит над его могилой последние слова, которые одновременно кажутся и смешными, и очень грустными.

«Клоун Хихик приносил радость миллионам детей и взрослых. Мы навсегда запомним его персонажей: и Питера-Ореха, и Мистера Фи-Фай-Фо, и Билли-Банана, и мою любимицу Тетушку Ю-Ху». В этот момент Мэри уже едва сдерживает смех. Она вспоминает, как клоун Хихик заканчивал шоу в образе Тетушки Ю-Ху — разворачивался к камере

литературы, чем вы, значит, у меня были на то свои причины. Раньше я старался выглядеть глупее, чтобы люди меня не ненавидели, но в конце концов отказался от этой затеи, потому что она отнимала у меня слишком много сил.

Есть и еще одна причина, по которой вы не должны думать, что я хвастаюсь. Мой старший брат Энди родился с синдром Дауна. Именно поэтому моя семья была такой грустной. Я упоминал об этом в начале главы про мистику, но не вдавался в подробности, потому что еще не знал, могу ли я вам доверять. А теперь я открою вам жуткую тайну, после которой вы, вероятно, посчитаете меня сумасшедшим. Я верю, что после смерти его душа каким-то мистическим образом попала в меня. Я чувствую, что он живет во мне, что он мой невидимый друг. Соответственно, я стал эмоционально открытым, как все больные с синдромом Дауна, и одновременно очень умным, как все философы. По сути, я человек с задержкой развития и огромным IQ.

и показывал зрителям слово «Конец», написанное на его штанах. Мюррей предлагает похоронить Хихика именно в таком наряде.

Между тем священник продолжает свою речь: «Мы будем чтить его память не только потому, что он веселил нас. Все, что делал Хихик, имело глубокое значение. Помните излюбленную фразу Мистера Фи-Фай-Фо? Когда его заклятый враг Сеньор Бабах сбивал его с ног гигантским огурцом, Мистер Фи-Фай-Фо всегда вставал, отряхивался и говорил: “Я ударился своим фу-фу”. В его словах — мудрость жизни. Время от времени мы все падаем и ударяемся своими фу-фу. Давайте же отныне будем относиться к этому с такой же простотой, смелостью и честностью, как Мистер Фи-Фай-Фо».

В течение всей проповеди Мэри пытается удержаться от смеха, и наконец священник это замечает и обращается к ней: «Вы хотите рассмеяться? Не сдерживайте себя. Вперед, хохочите от души. Это понравилось бы Хихику. Он жил для того, чтобы давать людям смех. Слезы его оскорбляли. Он ненавидел плачущих людей. Так что вперед, милочка, посмейтесь как следует».

В этот момент Мэри начинает рыдать.

Данный эпизод показывает нам, почему так трудно написать философскую книгу о юморе. Как только мы понимаем, что юмор — единственная адекватная реакция на какую-либо ситуацию, он перестает быть неприличным, и мы уже не можем рассмеяться.

Удивительно и то, что похороны предназначены для выражения скорби — а Мэри слишком стесняется показывать свои чувства на публике. Зачем мы вообще кого-то хороним? Зачем нам церемонии, предназначенные для грусти и слез,

если на них мы боимся грустить и плакать? И, если уж на то пошло, зачем в мире существуют церемонии плотской любви, которые уничтожают в ней всю сексуальность, или философские книги о юморе, которые делают его менее смешным? Скетч комик-труппы «Монти Пайтон» о сырном магазине посвящен противоречию между нашими социальными ролями и истинными желаниями. Все начинается с того, что явно богатый и знатный покупатель просит продавца в магазине взвесить ему сыра. Первый перечисляет разные сорта сыров, а второй все время отвечает, что их у него нет. В конце концов покупатель начинает подозревать, что, хоть он и находится в сырной лавке, сыра тут нет вообще. Разговор продолжается следующим образом.

Покупатель: «Что насчет венесуэльского бобрового сыра?»

Продавец: «Сегодня его нет, сэр».

Это совершенно дурацкий вопрос, и продавец мог бы на него не отвечать. Кажется, будто он в курсе дела, что они с покупателем играют в какую-то игру, но не показывает, что знает об этом, — и одновременно показывает, так что покупатель начинает чувствовать, что дело сдвинулось с мертвой точки.

Покупатель: «Хорошо, не будем мудрить. Чеддер?»

Продавец: «Боюсь, здесь он не пользуется спросом».

Покупатель: «Да в мире нет сыра популярнее!»

Продавец: «Только не здесь, сэр».

Покупатель: «Какой же сыр пользуется спросом здесь?»

Продавец: «Ильчестер».

Покупатель: «Понятно».

Продавец: «Да, сэр, он необыкновенно популярен».

Покупатель: «Вот как?»

Продавец: «Точно, это сыр номер один!»

Покупатель: «Правда?»

Продавец: «Да».

Покупатель: «Ильчестер?»

Продавец: «Именно».

Покупатель: «Ладно, идет. Уж он-то у вас есть? Только не говорите “нет”».

Продавец: «Сейчас взгляну, сэр. Э-э... нет».

Покупатель: «Плоховатый у вас магазин».

Продавец: «Лучший в округе».

Покупатель: «Почему вы так думаете?»

Продавец: «Он очень чистый».

Покупатель: «И явно не осквернен сыром».

Продавец: «Вы еще не спрашивали про лимбургский сыр».

Покупатель: «А стоит?»

Продавец: «Как знать...»

Покупатель: «Ладно. У вас есть... ДА ПРЕКРАТИТЕ УЖЕ ИГРАТЬ!»

(Ранее в этом скетче продавец спросил покупателя, не раздражает ли его человек, играющий в углу на греческой гитаре бузуки, и тот ответил, что ему «по душе любые проявления терпсихорического характера». Тем не менее монотонная музыка, сопровождающая скетч с самого начала, явно действовала покупателю на нервы, и наконец он не выдержал.)

Продавец: «Я же говорил».

Покупатель: «Так у вас есть лимбургский сыр?»

Продавец: «Нет».

Покупатель: «Ну естественно. Нетрудно было догадаться. Вряд ли стоило рассчитывать на иной ответ. Скажите...»

Продавец: «Да?»

Покупатель: «...у вас вообще-то есть сыр?»

Продавец: «Да, сэр».

Покупатель: «Правда?»

Продавец (помолчав какое-то время): «Нет. На самом деле нет, сэр».

Покупатель: «Значит, нет?»

Продавец: «Нет. Ни крошки. Я сознательно вас обманывал, сэр».

Покупатель: «Что ж, мне жаль, но тогда мне придется вас пристрелить».

(Достаёт пистолет и стреляет в продавца.)

Покупатель: «Какая бессмысленная трата человеческой жизни!»

Вся шутка строится на британской вежливости и классовой системе. Аристократ считает себя слишком хорошо воспитанным, чтобы разозлиться на представителя среднего класса, а тот не может прямо послать аристократа ко всем чертям. Вместо этого он использует социальные условности, чтобы провести пассивно-агрессивную атаку на покупателя и потянуть его время. Любые социальные контракты (не важно, действующие в американском или британском обществе, классовые или неклассовые) пугают нас. Мы хотим молока и не получаем его, а когда пытаемся разрешить эту загадку, чувствуем себя настолько подавленными, что готовы убить любого из-за своего несчастья.

Разумеется, также этот скетч рассказывает нам о Холокосте, о смерти европейской цивилизации и обеих мировых войнах.

Томас Манн в своем романе «Волшебная гора» сравнил довоенную Европу с туберкулезным диспансером, пациенты которого спорят, что лучше — вера или логика. Скетч о сырном магазине идет дальше. Он показывает нам, что довоенная европейская цивилизация представляла собой смертельный танец людей, привязанных к своим социальным ролям, в которые они больше не верили. Владелец

знает, что у него нет сыра, а покупатель — что он ничего не получит. Этот разговор неприятен каждому из них, но люди постоянно делают то, чего им не хочется: священники проповедуют веру в Бога, в которого сами не верят, короли правят странами и казнят людей, хотя и в королевстве тоже никто не верит. Каждый совершает какие-то бессмысленные движения, пока кому-нибудь это не надоедает и он не начинает убивать.

Неужели все так и есть? Нет, все гораздо глубже. В одной из версий скетча, которую я нашел в интернете, владелец наконец признается, что сыра у него нет. Тогда покупатель говорит: «Я задам вам этот вопрос еще раз, и, если вы скажете “нет”, я прострелю вам башку». Продавец отвечает «ладно», покупатель снова спрашивает, есть ли у него сыр, слышит ответ «нет» и достает пистолет.

Так что же, «Монти Пайтон» считают, что все вопросы нужно решать насилием? В еще одной слегка измененной версии скетча, попавшей на пластинку «Галстук в тон носовому платку» (1973), владелец признается, что намеренно тратил время покупателя, хотя ему известно, что тот в итоге его застрелит.

Покупатель: «...у вас вообще-то есть сыр?»

Продавец: «Да, сэр».

Покупатель: «Я задам вам этот вопрос еще раз, и, если вы скажете “нет”, я прострелю вам башку. Итак, у вас есть сыр?»

Покупатель: «Значит, нет?»

(Достает пистолет и стреляет в продавца.)

Покупатель: «Какая бессмысленная трата человеческой жизни».

135

Почему владелец магазина признается, что у него нет сыра? Вероятно, в конце концов он предпочитает честную смерть жизни во лжи. Или он настолько глуп, что не верит, будто покупатель способен его убить. Или, возможно, он открыл сырную лавку без сыра именно потому, что захотел умереть подобным образом — как человек, не оскверненный сыром.

Когда мы смеемся над чем-то недопустимым, становится понятно, что юмор сродни мистике, он говорит нам то же, что и она, но не попадает в ее ловушки (или делает это намеренно). Не хочу показаться пафосным — или хочу, но только уникально, по-своему, — но юмор безграничен. В ту секунду, когда мы придумываем оправдание для смеха, он перестает быть забавным и становится постыдным. И это тоже смешно. Логика надеется, что она сможет раз и навсегда понять и определить человека. Однажды мы будем знать все факты на свете и иметь какие-то соображения относительно каждого из них. Логика имеет конец, а вот юмор — нет. Если вы сформулируете собственную теорию юмора, вы сами сможете над ней посмеяться. В действительности это легче, чем вы думаете. Сначала вы говорите: «О'кей, я все понял. Я считал, что недопустимо смеяться над шутками Сары Сильверман о психически больных детях и над анекдотами Шиммеля про рак, обнаруженный у его сына, но теперь я думаю, что это нормально. Сара Сильверман ничего не имеет против людей с задержкой развития, а Шиммель всего лишь притворяется. На самом деле он не рад, что его ребенок заболел. Из книжки Каплана про Санту я узнал, что черный юмор на самом деле никого не оскорбляет, а помогает лучше понять парадоксы жизни. — А сказав так, вы можете добавить: — Я не шучу про людей с отклонениями. Я стараюсь объяснить эту шутку идиотам». Сначала вы

нейтрализуете юмор, объясняя, что допустимо, а что нет, а затем делаете шаг вперед и снова вступаете в область недопустимого.

Мне кажется странной идея объяснять людям хорошие шутки и тем самым портить их. Она совсем не веселая. Что смешно, так это книжка о Санта-Клаусе, полная философии и приколов про рак. Ну, или все это было смешным, пока я вам не растолковал смысл.

Глава 9

Боль — это юмор минус время

В телесериале «Теория Большого взрыва» есть эпизод, который прекрасно подходит к одной из тем этой книги. Он поднимает вопрос о том, могут ли наука и рациональное мышление объяснить людей и человеческую жизнь, и если да, то в какой степени. Шелдон Купер, самовлюбленный и холодный физик, и его девушка, нейрофизиолог Эми Фара Фаулер, спорят о том, какая из наук справится с этим лучше. За разговором они подсаживаются к своим друзьям в столовой Калифорнийского технологического института.

Шелдон: «Приветствую».

Леонард: «Привет».

Шелдон: «Я пригласил Эми, чтобы показать ей кое-что из того, чем я занимаюсь».

Эми: «Очень впечатляюще. Для теоретической работы».

Шелдон: «Что это сейчас было? Снисходительность?»

Эми: «Извини, я недостаточно ясно выразилась? Я хотела сказать, что по сравнению с нейробиологией, которая имеет практическое применение, теоретическая физика — это... как бы так сказать... миленько».

Леонард и Говард: «О-о-у!»

Шелдон: «То есть ты хочешь сказать, что нейробиолог вроде Бабинского может достичь таких же высот, как физики Клерк Максвелл или Дирак?»

Эми: «Именно так. Бабинский ест дираков на завтрак и испражняется клерк-максвеллами».

Шелдон: «Возьми свои слова обратно».

Эми: «Ни за что. Мы с моими коллегами описываем неврологический субстрат, на котором основывается глобальная обработка информации, необходимая для когнитивных процессов, включая процессы научного познания. Соответственно, моя работа ipso facto имеет большее значение для ordo cognoscendi. То есть она важнее всех его исследований. Ну и, по умолчанию, ваших тоже».

Леонард: «Извини, я все еще пытаюсь представить себе испражнение клерк-максвеллами».

Шелдон: «Погодите-ка! Но если теория великого объединения объясняет все на свете, значит, ipso facto, она объясняет и нейробиологию».

Эми: «Да, но если моя работа увенчается успехом, то я смогу воспроизвести твои мыслительные процессы, которые

привели тебя к созданию теории великого объединения, и, соответственно, подчинить твое сознание своей парадигме».

Шелдон: «Что за оскорбительный психологизм! Еще Готлоб Фреге в 1890-х годах сказал, что это полная чушь!»

Эми: «Судя по всему, мы зашли в тупик».

Шелдон: «Согласен. Выдвигаю предложение немедленно расторгнуть наши отношения».

Эми: «Поддерживаю».

Шелдон: «Возражения отсутствуют?»

Все: «Не-а, нет-нет».

Шелдон: «Предложение принято. Хорошего дня, Эми Фара Фаулер».

Эми: «Хорошего дня, Шелдон Купер».

Говард: «Ох уж мне эти женщины! И жить с ними невозможно, и их гипотезы опровергнуть не получается».

Шелдон: «Аминь, брат».

Этот эпизод полон противоречий. С одной стороны, кажется, что физика должна объяснять биологию. С другой стороны, и биология должна объяснять физику. С интеллектуальной точки зрения, мы мечемся между двумя вариантами. Но писатель (то есть я) подходит к этому эпизоду с юмором. Юмор чем-то похож на мистику, потому что он не пытается разрешить парадокс, а принимает его как естественную

часть жизни. Он похож и на логику, потому что не дает нам просто наслаждаться парадоксом, а позволяет увидеть его со стороны и критикует оба его элемента. Мы видим, что и позиция Эми, и позиция Шелдона неверны, так как они оба игнорируют еще один уровень происходящего — тот факт, что они встречаются, ссорятся из-за своих взглядов и пытаются сохранить собственную индивидуальность.

Кроме того (я надеюсь), эта сцена показывает, что хороший юмор приносит нам удовольствие. Возможно, оно объясняется разрядкой напряжения, которое накапливается, когда наш мозг мечется от одной половины парадокса к другой. Или же ему просто нравится метаться. Как бы там ни было, юмор помогает нам принять две разные части себя, интегрировать их и жить с ними дальше.

В конце этого эпизода Шелдон и Эми мирятся и снова становятся парой. Это традиция. С древнейших времен комедии всегда заканчивались свадьбой, потому что юмор объединяет — и людей в семейные союзы, и раздробленные части нашего сознания в единое целое.

На нейробиологическом уровне юмор и смех связаны с системой игры, которая, по мнению ведущего нейрофизиолога Яака Панкsepпа, возникла в процессе эволюции еще у крыс. Крысам нравится щекотка, они любят играть и смеяться*.

Над какими парадоксами смеется крыса? Возможно, ее забавляют противоречия вроде «Сейчас я укушу вон ту крысу, или нет, сейчас она укусит меня». Игра — это веселое взаимодействие с другими живыми существами, в котором лидерство постоянно переходит от одного участника к другому.

* Смех крыс и собак не похож на человеческий, но его все равно можно назвать смехом, потому что животные стремятся к ситуациям, которые его вызывают, а прослушивание звуков смеха поднимает им настроение.

Ученые доказали, что в игре двух детей (или двух крыс) один участник не может победить более чем в 70% случаев. Если вы побеждаете чаще, это уже не игра, а издевательство над слабым.

Юмор позволяет нам точно так же взаимодействовать друг с другом — переключаться между ролями начальника и подчиненного, победителя и проигравшего. Мы играем с противоречивыми идеями и половинками парадокса. Резкий переход от одной половины к другой заставляет нас смеяться — но только если мы все делаем правильно. Если нет, то мы превращаемся в интеллектуальных хулиганов. Я заставляю вас причинить себе вред вашими собственными словами, а затем, смеясь, спрашиваю, зачем вы себя обижаете.

В отличие от логики юмор (как и мистика) принимает противоречия. Он объединяет две половины парадокса в большее и живое целое, не отказываясь ни от одной из них. В отличие от мистики юмор (как и логика) не является авторитарным*. Он указывает на противоречия и дает нам инструменты для их разрешения. Но по сравнению с логикой юмор позволяет нам подходить к собственным ограничениям с большей мягкостью и сопереживанием. Итак, именно юмор в состоянии примирить мистику и логику.

Если для того чтобы стать человеком в полной мере, необходимо свести воедино эмоциональные и интеллектуальные процессы, то логично предположить, что диалектика, с которой мы столкнулись, говоря о познании, будет иметь свое отражение и на чувственной стороне нашей личности. Иными словами, если вы рассказываете кому-то историю

* Контрпримером авторитаризма мистики можно считать влияние даосизма на развитие Восстания желтых повязок.

о двух половинах, стремящихся к соединению, то на самом деле это две истории.

Одна история посвящена борьбе нашего сознания с противоречиями и парадоксами, которая в итоге помогает ему воссоединиться с эмоциями и стать более цельным. Та же история, но с эмоциональной стороны, будет посвящена борьбе с травмами. И она тоже закончится юмором.

Психолог Мэри Эйнсворт разработала метод диагностики нарушений привязанности, который называется «собеседование о привязанностях у взрослых». Он показывает, что способность здраво и с юмором оценивать пережитые травмы является основным диагностическим маркером психической стабильности.

Врач, проводящий собеседование, просит пациента рассказать о травмирующих событиях, которые произошли в его детстве. Неуверенные в себе люди обычно попадают в одну из двух категорий — кто-то отказывается, а кто-то начинает испытывать тревогу. Пациенты из первой группы отрицают, что с ними вообще что-то происходило. Они отвечают нечто вроде «Ничего плохого со мной не происходило!», «Я был нормальным ребенком» или «Я доволен своими родителями, чего вы от меня хотите?». Вторая группа переживает свою травму повторно: «Мама говорила, что я толстая, но ведь это не было моей виной! Я просто нервничала! Зачем сначала меня кормить, а потом обзывать? Чего ей от меня надо?» Лично мне кажется, что такие тревожные пациенты в чем-то похожи на мистиков, потому что говорят нелогичные вещи, а отказники подобны логикам, потому что оценивают свою жизнь со стороны как проблему, которую нужно решить. Ни логики, ни мистики не в состоянии здраво и с юмором описать свою травму и простить себя за нее. Если верить статистике, такие люди не просто испытывают нарушения

привязанности сами, но и передают их своим детям. Психиатр Дэниэл Сигел объясняет, что цель такого собеседования — поиск баланса между автобиографической памятью (функцией правого полушария) и речью (функцией левого полушария). По сути, это задача на интеграцию полушарий. Тревожный пациент подвержен воздействию правого полушария — моментальному, эмоциональному, контекстному — и поэтому не может адекватно оценивать речевую ситуацию, в которой он находится. Пациент-отказник отвечает на вопрос при помощи только левого полушария, потому доступ к эмоциональной автобиографической памяти для него закрыт.

Наш интеллект стремится осмыслить происходящее и проводит грань между понятным и непонятным, допустимым и тем, во что мы не верим. Что касается нашей эмоциональной жизни, то здесь мы пытаемся преодолеть противоречие между опасностью и безопасностью. Мы стремимся к безопасности, но понимаем, что она невозможна. Наша фундаментальная задача — достичь такого состояния, в котором мы бы чувствовали себя достаточно защищенными для того, чтобы исследовать мир вокруг себя, но также принимали во внимание реальные опасности. Угрожает нам что-нибудь или нет? На этот вопрос невозможно дать объективный и логичный ответ. Любая человеческая жизнь, от стоического отречения до истеричных метаний, — это попытка на него ответить. Юмористический вариант позволяет нам чувствовать радость, расти над собой, прощать себя и других.

То, что логики называют парадоксом, на эмоциональном уровне представляет собой травму. Мы ощущаем конфликт между своими ожиданиями и болезненной реальностью, которая им противоречит.

Историю всего человечества можно воспринимать как биографию одного человека, прожившего очень долгую

жизнь. Это не мистический, а вполне практический подход, потому что вся культура представляет собой попытку продлить жизнь конкретного человека, превращающую нашу историю в коллективную память.

Если воспринимать культуру как единое коллективное воспоминание, тот факт, что наши подходы к жизни делятся на логические и мистические, означает, что мы как культура или как вид, помнящий свое прошлое, страдаем от нарушения привязанности. Люди вырастают с таким нарушением, если они испытывали насилие в детстве. То, к чему мы привязаны, причиняет нам боль. Нам хочется оказаться к нему поближе и держаться подальше, но такое невозможно сделать одновременно, а если попытаться, наверняка сойдешь с ума. Нас разрывает надвое этим парадоксом — и в качестве лекарства я предлагаю юмор.

В конце своей жизни Сидни Моргенбессер сказал: «За что Бог меня наказывает? Только за то, что я в Него не верю?» Что бы мы ни считали источником собственной безопасности (Бога, других людей или доброту человеческой природы в целом), за всю нашу жизнь нам не раз разбивали сердце. Юмор — это способ попросить себя склеить сердце и, если повезет, даже сделать его чуточку больше.

[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

